

О.С. Кулькова*

**ПРОБЛЕМАТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» И КУЛЬТУРНОЙ
ДИПЛОМАТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ:
ПОИСК ОРИЕНТИРОВ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН****

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Африки РАН»
123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье исследуются особенности отражения проблем «мягкой силы» и культурной дипломатии в современном британском политическом дискурсе. Рассматриваются причины заметного увеличения интереса к этой тематике со стороны политического истеблишмента и экспертно-аналитического сообщества Соединенного Королевства. На основе анализа наиболее значимых высказываний членов Кабинета, материалов Комитета по «мягкой силе» и влиянию Великобритании Палаты лордов и ведущих «мозговых центров» раскрывается своеобразие британских подходов к проблемам сочетания «мягкой», «жесткой» и «умной» сил и повышения эффективности использования инструментов «мягкой силы» и культурной дипломатии во внешнеполитических целях. Автор приходит к заключению, что, хотя Великобритания мыслит себя «культурной сверхдержавой» и стремится к расширению своего культурного присутствия в мире вопреки финансовым ограничениям, ей предстоит решить сложную задачу построения непротиворечивого образа страны, которая является одновременно и ядром евроатлантического мира, и центром притяжения и «плавливым котлом» для незападных культур.

Ключевые слова: Великобритания, внешняя политика, «мягкая сила», «умная сила», «жесткая сила», культурная дипломатия, восходящие экономики, Британский Совет, Министерство международного развития.

---

* *Кулькова Ольга Сергеевна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН; старший научный сотрудник Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kulkova-olga@yandex.ru).

** Статья выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2427.2014.6).

Сегодня проблематике «мягкой силы» в различных странах мира уделяется все большее внимание. О необходимости более широко использовать ее инструменты во внешней политике говорят государственные деятели и эксперты, в том числе в России. Во многом это связано с получением новой роли Федеральным агентством по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Его руководитель К.И. Косачев отмечал в 2013 г., что в новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации впервые было закреплено место Россотрудничества в системе институтов власти, реализующих политику государства в сфере международных отношений¹. В Концепции отмечалось, что агентство «участвует в выработке предложений и реализации внешней политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, международного гуманитарного сотрудничества, поддержки российских соотечественников, проживающих за рубежом, укрепления позиций русского языка в мире, развития сети российских центров науки и культуры за рубежом»². Кстати, именно в этой редакции Концепции также впервые обрел свое юридическое оформление термин «мягкая сила»³.

К.И. Косачев отмечал также, что 20 марта 2013 г. «состоялось рубежное событие в истории отечественной внешней политики: Правительство утвердило Государственную программу “Внешнеполитическая деятельность”, в рамках которой Агентством разработана Подпрограмма “Осуществление деятельности в сферах международного гуманитарного сотрудничества и содействия международному развитию”. Рубежным оно является потому, что в ней впервые за всю историю существования системы, начиная со времен СССР, использован программно-целевой метод, сформулирована цель деятельности, которая инструментована задачами. Выделены целевые индикаторы и показатели, описаны основные ожидаемые конечные результаты Подпрограммы, сроки и контрольные события ее реализации»⁴.

---

¹ Тезисы выступления руководителя Россотрудничества К.И. Косачева на «правительственном часе» в Государственной Думе ФС РФ. 10 апреля 2013 г. С. 1. Доступ: old.rs.gov.ru/sites/rs.gov.ru/files/vystuplenie_gd_2013_2.pdf (дата обращения: 12.05.2014).

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. V. Формирование и реализация внешней политики Российской Федерации. П. 100. Доступ: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 12.05.2014).

³ Косачев К.И. Мягкая сила и жесткая сила: не сумма, но произведение // Индекс безопасности. 2013. № 4 (107). Т. 19. С. 11. Доступ: www.pircenter.org/media/content/files/12/13880428660.pdf (дата обращения: 12.05.2014).

⁴ Тезисы выступления руководителя Россотрудничества К.И. Косачева на «правительственном часе» в Государственной Думе ФС РФ. 10 апреля 2013 г. С. 5.

Несмотря на желание высшего российского руководства «в несколько раз усилить образовательное и культурное присутствие в мире»⁵, активнее формировать правдивый образ России за рубежом и использовать российскую культуру «как мощный фактор продвижения на глобальных рынках»⁶, на этом направлении остаются значимые проблемы, которые руководство нашей страны четко осознает. Важнейшие из этих проблем — недостаточное инвестирование в российскую культурную индустрию, в прошлом — не всегда системная и последовательная работа на таких важных направлениях, как развитие международного гуманитарного сотрудничества, информационное сопровождение внешнеполитического курса страны. К.И. Косачев писал в своей статье «Россотрудничество: первые итоги деятельности и перспективы развития» в 2012 г.: «...скромная сумма в 300 млн рублей. Это все, что есть у агентства на организацию программной деятельности в 73 странах мира. <...> Есть открытая статистика затрат ведущих стран мира — Великобритании, ФРГ, Франции, Испании, Китая. Расходы этих государств на содержание и обеспечение работы своих центров в мире, в том числе и России, по сравнению с аналогичными российскими расходами разнятся на порядки. И, к сожалению, это сравнение явно не в нашу пользу. Так, например, по данным 2011 года, бюджет Британского Совета составил практически 1 млрд долларов, немецкого Института Гёте — более 303 млн долларов, испанского Института Сервантеса — 152 млн долларов»⁷. Высказывания ведущих российских политиков показывают обеспокоенность тем, что ряд других стран опережают Россию на ниве продвижения собственных культурных и политических ценностей в мире, в сфере реализации их «мягкой силы».

Одним из наиболее значимых «конкурентов» России на этом направлении является Великобритания, где давно уже осознается важность культурной дипломатии и использования инструментария «мягкой силы» для достижения желаемых внешнеполитических целей и продвижения положительного образа страны за рубежом. В последние годы во властных и интеллектуальных кругах Великобритании разворачивается интенсивная дискуссия о том, что же такое — британская «мягкая сила», каковы ее основы и инструменты, как их использовать в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе с наибольшей выгодой для благосостояния государ-

---

⁵ Путин В.В. Россия в меняющемся мире // Московские новости. 27 февраля 2013 г. Доступ: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (дата обращения: 12.05.2014).

⁶ Там же.

⁷ Косачев К.И. Россотрудничество: первые итоги деятельности и перспективы развития // Сайт Российского Совета по международным делам. 31 июля 2012 г. Доступ: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=753#top (дата обращения: 12.05.2014).

ства, укрепления его позиций на международной арене, в том числе перед лицом новых вызовов.

Особенно актуальным вопрос поддержания «мягкой силы» государства становится в условиях нехватки финансирования. Великобритания не избежала этих проблем, пытаясь справиться с последствиями мирового финансово-экономического кризиса, больно ударившего по стране. Несмотря на то что поддержка высшего образования, культурных институтов, искусства и музеев, Всемирной службы Би-би-си обходятся государственной казне сравнительно недорого, они не избежали сокращения финансирования, более того, не был проведен тщательный анализ преимуществ, которые могло бы принести достаточное инвестирование в них. Например, председатель Королевского африканского общества, известный журналист Ричард Дауден отмечал в контексте сокращения числа корреспондентов Би-би-си, несмотря на декларируемое стремление корпорации более подробно освещать африканские события, что британские власти и руководство Би-би-си «имеют мало представления о том, что Би-би-си является единственной связью с миром для миллионов африканцев. Помогите нашему правительству <...> осознать, что 1 фунт, истраченный на хорошую работу Всемирной службы Би-би-си, дает больше для развития Африки, нежели 100 фунтов, истраченных на помощь»⁸.

К.И. Косачев отмечал, что согласно рейтингу государств по их уровню «мягкой силы», составленному в 2011 г. российским фондом «Сколково» в сотрудничестве с компанией «Ernst&Young», Россия находится лишь на 10-м месте, в то время как США, Франция, Германия и Великобритания занимают соответственно первые четыре места⁹. В других же международных рейтингах Россия располагается еще ниже.

В связи со сказанным необходимо дать характеристику современному политическому дискурсу по проблемам «мягкой силы» и «культурной дипломатии» в мире и в Великобритании. Данная проблематика в последние годы затрагивалась в ряде работ отечественных и зарубежных исследователей. Прежде всего, следует упомянуть имена Дж. Ная-мл. [Nye, 2004, 2008, 2009, 2011], Р. Дювала [Duval, 2005], К. Норра [Knorr, 1973], С. Анхолта [Anholt, 2007, 2008, 2009, 2010], Дж. Холдена [Holden, Tryhorn, 2013], М. Дэвидсона [Davidson, 2007], Ин Фаня [Ying Fan, 2008], Ю.П. Давыдова [2004], Г. Филимонова [2010], О.Г. Леоновой [2013], Е.П. Пановой

---

⁸ Dowden R. To John Humphreys on his trip to Liberia — ‘You can’t come here with European eyes’. African Arguments Blog. 11 April 2012. Available at: <http://africanarguments.org/2012/04/11/you-can%E2%80%99t-come-here-with-european-eyes-a-letter-to-john-humphreys-on-his-trip-to-liberia-by-richard-dowden/> (accessed: 15.06.2014).

⁹ Косачев К.И. Мягкая сила и жесткая сила: не сумма, но произведение... С. 12–13.

[2010], А.В. Торкунова [2012], М.А.Троицкого, И.А. Зевелева [2006], А.В. Шелепова [2014] и многих других.

Однако мало раскрытыми остались следующие сюжеты: сопоставление взглядов различных британских политиков и экспертов на проблематику «мягкой силы», четкое вычленение ее инструментария. Что относить к ее инструментам, а что нет? Какова роль публичной и культурной дипломатии в осуществлении «мягкой силы» Великобритании? Каковы наилучшие пути использования инструментов «мягкой силы» страны в условиях нарастающей глобальной конкуренции со стороны других держав, также стремящихся усилить проецирование своей «мягкой силы»? Какие возможности по наращиванию мягкого влияния страны в мире видят политические и экспертные круги Великобритании в условиях бюджетных ограничений?

Автор статьи стремится восполнить эти пробелы и предлагает последовательно рассмотреть данные проблемы на основе британских публикаций, аналитических материалов, прессы и выступлений британских политиков.

В первой части статьи речь пойдет о сложившемся (в различных национальных традициях в рамках западной международно-политической науки) понимании термина «мягкая сила». Затем будет проанализирован дискурс британской власти по данной проблематике. Большое внимание будет уделено роли Комитета по «мягкой силе» и влиянию Великобритании при Палате лордов как отдельного механизма, созданного для всестороннего обсуждения проблем, связанных с генерированием и использованием «мягкой власти». Наконец, специально будет рассмотрена проблематика применения Великобританией инструментов культурной дипломатии с точки зрения концепции «мягкой силы».

I

В целях более полной идентификации и анализа современных инструментов британской «мягкой силы» следует обзорно очертить то понимание данного термина, которое сложилось в различных национальных традициях в рамках западной международно-политической науки.

«Мягкая сила» — термин, предложенный известным американским политическим деятелем и исследователем (также являющимся членом Британской академии в области гуманитарных и социальных наук) Дж. Наем-мл. еще в 1989 г. Позднее в оборот вошло и понятие «умная сила» (*smart power*), также предложенное Дж. Наем. Важно охарактеризовать то, как трактовал эти термины их создатель, поскольку интеллектуальные искания на эти темы в современной Великобритании во многом опираются на его определения.

Дж. Най-мл. указывал в своей книге 2004 г. «Сила в глобальную информационную эпоху: от реализма к глобализации», что «мягкая сила» существует независимо от экономической и военной силы, это третий тип силы. Ее основные источники, согласно Дж. Наю-мл., — это культура, идеи, ценности. Он писал: «Я разработал концепцию “мягкой силы”, чтобы обозначить ею силу притяжения, часто произрастающую из культуры и ценностей, которой слишком часто пренебрегают. <...> Страна может достичь желаемых результатов в мировой политике потому, что другие страны желают следовать ей, восхищаясь ее ценностями, подражая ее примеру в надежде достичь ее уровня процветания и открытости. <...> Эта “мягкая сила”, побуждающая других желать тех результатов, которых желаете вы, скорее привлекает других людей, нежели понуждает их» [Nye, 2004: 5]. К нематериальным ресурсным основам «мягкой силы» Дж. Най-мл. относил «привлекательную культуру, политические ценности и институты, такие направления политики, которые представляются легитимными или обладающими моральным авторитетом» [Nye, 2004: 5]. Он пояснял, что если использовать «мягкую силу», то не придется (или в меньшей степени придется) заставлять других делать то, чего они не хотят, и это снизит издержки на поддержание лидерства в международных отношениях (не будем забывать, что свою концепцию Дж. Най-мл. разрабатывал применительно в первую очередь к США) [Nye, 2004: 5].

Что касается понятия «умная сила», то оно было предложено Дж. Наем-мл. в 2003 г. с целью «побороть неправильное представление о том, что “мягкая сила” сама по себе способна обеспечить эффективную внешнюю политику. <...> “Жесткая сила” — это использование принуждения и экономических рычагов [в оригинале — payment. — О.К.]. “Мягкая сила” — это способность получать желаемые результаты посредством притяжения. Если государство способно задавать повестку дня для других [государств. — О.К.] или формировать их предпочтения, оно может сильно сэкономить на кнутах и пряниках. Однако редко удастся полностью обойтись без них. Отсюда возникает необходимость в умных стратегиях, которые сочетают инструменты как “жесткой”, так и “мягкой силы”» [Nye, 2009: 160].

В своей книге «Будущее силы» (2011) Дж. Най-мл. [Nye, 2011] дал существенно измененную версию своей концепции «мягкой» и «умной силы» в свете двух глобальных сдвигов в мире силы, вызванных информационной революцией и глобализацией. Первый из этих глобальных сдвигов — постепенный переход власти от одних государств к другим. Дж. Най-мл. говорил о так называемом подъеме остальных (rise of the rest), т.е. о возрастании политической и экономической мощи незападных стран. Второй глобальный

сдвиг — диффузия власти, ее смещение от государства к негосударственным акторам. В своей новой работе он определял «умную силу» как стратегическую конфигурацию «жесткой» и «мягкой силы», как «умение находить способы комбинировать свои ресурсы в рамках успешных стратегий в условиях диффузии власти и “подъема остальных”» [Nye, 2011: 208]. Он рассматривал «умную силу» в контексте вводимого им понятия «либеральный реализм» и указывал, что способность страны действовать с позиций «умной силы» зависит от ее умения сосредотачиваться на «шахматной игре на трех досках», а именно — видеть ситуацию в мире с точки зрения военной силы во взаимодействии между государствами, с точки зрения экономической силы в межгосударственных отношениях, а также с точки зрения власти над транснациональными проблемами (изменение климата, международный терроризм и др.) [Nye, 2011: 213].

Что касается «мягкой силы», то в этой книге Дж. Най-мл. указывал на несколько важных факторов, связанных с этим феноменом. Во-первых, «мягкая сила» в отношениях государств существовала и использовалась всегда, однако на современном этапе ее роль возросла, и ее источником во все большей мере становится гражданское общество, а не государство. Во-вторых, «мягкая сила» не тождественна «этичной силе»: «мягкая сила» может использоваться для достижения не всегда благовидных целей. В-третьих, страна может обладать потенциалом «мягкой силы», но для того, чтобы он реализовался в поведение, привлекающее других и побуждающее их сотрудничать, необходимо также учитывать восприятие этого потенциала целевой аудиторией. Притяжение и убеждение, подчеркивал Дж. Най-мл., социально конструируемы, «мягкая сила» может реализоваться и принести свои плоды лишь при учете взглядов тех, на кого она направлена, только при условии «парного танца» [Nye, 2011: 84]. Он указывал также на важную роль публичной дипломатии в выстраивании стратегии «умной силы» той или иной страны. Сейчас борьба развитых государств с новыми вызовами, такими, например, как транснациональный терроризм, превращается в сражение за умы и сердца, и текущий акцент на инструменты «жесткой силы» не является путем к достижению желаемых целей, поэтому необходима «умная» публичная дипломатия, которая требует от ее проводников понимания роли таких умений, как способность внушать доверие, быть самокритичными, уделять большое внимание гражданскому обществу, также генерирующему «мягкую силу» [Nye, 2008].

Итак, «мягкую силу» можно охарактеризовать в первую очередь как силу идей и образов. Академик Е.М. Примаков отмечал в своем выступлении на международной конференции «Россия в мире силы

XXI века» [Примаков, 2013], что «в нынешних условиях идеи и образы государств — участников международных отношений влияют на развитие мировой обстановки не в меньшей мере, чем сила денег и сила оружия. <...> Более того, идеологическое противостояние, целенаправленное внедрение своих, часто подкрашенных образов при искажении чужих стало одной из составляющих внешнеполитической практики» [Примаков, 2013: 40]. Как подчеркивал Е.М. Примаков, это противостояние перестало быть главным фактором, определяющим, как в годы «холодной войны», в целом развитие обстановки в мире, но оно все же продолжает активно влиять — в различных формах — на различные политические ситуации [Примаков, 2013: 46].

Как указывала в этой связи Джанис Маттерн, «привлекательность — это социолингвистически сконструированная “правда” о притягательности какой-то идеи; та интерпретация, которая одержала верх над всеми другими интерпретациями во время коммуникативного процесса» [Mattern, 2005]. Государства борются за создание своих социолингвистических матриц реальности, потому что они обеспечивают их существование, поддерживают их, поскольку в отсутствие защиты эта матрица будет стерта по частям конкурирующими альтернативными интерпретациями, и пытаются изменить эти матрицы других государств. В силу этого под сомнение ставится непринудительный характер «мягкой силы». Она может быть не такой уж и мягкой, поскольку восприятие отдельных государств в мировой политике формируется путем коммуникативного обмена и даже «вербальной борьбы», в результате которых отдельные интерпретации, отдельные конструируемые реальности одерживают верх над другими [Панова, 2010].

Российский исследователь О. Леонова относит к компонентам «мягкой силы» «экономический успех, идеологическую убедительность и культурную привлекательность страны» [Леонова, 2013: 27]. Она указывает, что «мягкая сила» относится к инструментам так называемого латентного управления в международных процессах и отношениях, которые позволяют превратить влияние субъекта управления в мотивацию действия объекта управления, при отсутствии формальных институтов, методов и рычагов управления [Леонова, 2013: 28]. Таким образом, владение инструментами «мягкой силы» позволяет даже странам, не обладающим существенными рычагами традиционного влияния в мировой политике, воздействовать на международные процессы в своих интересах.

Французский исследователь, председатель общества «Инициатива развития французской экспертизы в мире и Европе» Никола Тенцер писал в 2013 г. о понятии «влияние» в международных отношениях. На наш взгляд, в представлении Н. Тенцера термин

«влияние» является, по сути, аналогом «мягкой силы». Аналитик отмечал ряд важных новых факторов в сфере осуществления влияния в политических отношениях:

— *изменение, усложнение, увеличение числа объектов влияния;*
— *необходимость учета фактора времени и его соотношения с влиянием (различение краткосрочной, средне- и долгосрочной перспективы).* Н. Тенцер отмечал, что инструменты убеждения, привлечения на свою сторону малодейственны в краткосрочной перспективе, их лучше задействовать на средне- и долгосрочную перспективу. Так, он указывал: «В среднесрочной перспективе можно применить стратегию, предполагающую постепенное сближение позиций, поскольку известно, что решения иногда созревают медленно. Существует также методика долгосрочного влияния, которая заключается в том, чтобы на годы вперед “внедрить” в чужой стране положительный образ государства — или даже продукта и идеи — с целью завоевать доверие и в конечном счете добиться единения. Так, например, рождается ощущение прочного союза, общих базовых интересов и даже устойчивого имиджа» [Тенцер, 2013: 221]. Работа в каждой из временных перспектив по увеличению своего влияния на других акторов взаимосвязана и приносит наилучшие плоды;

— *умножение и усложнение форм влияния, увеличение числа его проводников.* По мнению Н. Тенцера, влияние «трансформировалось под воздействием неуклонного роста рынков и сумм, инвестированных в опытно-конструкторские работы, особенно в растущих державах — развивающихся странах со средним уровнем дохода. Формы влияния умножились, стали трудноуловимыми, но приобрели больший вес, значительно расширив маршруты распространения. Сегодня политика влияния реализуется в условиях всеобщего недоверия. Проведение своей линии требует более стройной системы аргументов, чем раньше, и более тонкой пропаганды» [Тенцер, 2013: 222]. Проводников влияния становится все больше — к ним относятся уже не только министерства, но и интеллектуалы, юристы, лидеры общественного мнения; увеличивается влияние через идеи и даже через завоевание новых рынков благодаря «незаметной, подспудной работе инстанций, которые формируют международные нормы и рекомендации» [Тенцер, 2013: 222].

Н. Тенцер указывал, что в контексте взаимоотношений двух государств влияние осуществляется через обмен идеями и программы сотрудничества, а в многостороннем формате — через действия международных организаций, которые играют роль посредников во взаимодействии государств. Деятельность международных организаций и экспертных групп, работающих на них, способствует распространению общепринятых норм права, технических стан-

дартов, правил, распространению передового опыта (best practice). Влияние также осуществляется через научные центры и международные конференции, через мировые СМИ, которые вносят вклад в формирование и распространение идей правительств. К новым агентам влияния французский исследователь причислял и экспертов любых профессий независимо от того, действуют они на местном или на международном уровне, и ведущих интеллектуалов, чьими советами пользуются правительства и ТНК, и лоббистов, и диаспору граждан того или иного государства за рубежом;

— *изменившийся за последние 20 лет характер столкновений между скачкообразно возросшим числом субъектов влияния* — бинарные и прямые конфликты сменились менее явными и простыми [Тенцер, 2013: 224].

Как явствует из анализа различных толкований термина «мягкая сила», это понятие многогранно, может пониматься и, соответственно, использоваться по-разному. Следует понимать, что «мягкая сила» — это лишь вид власти/влияния, который может быть использован для достижения как этически высоких, так и весьма прагматических и утилитарных политических целей. Очень важно отметить, что использование «мягкой силы» не исключает борьбы с конкурирующими акторами на этом поле. Кроме того, применение «мягкой силы» — процесс с труднопредсказуемыми течением и результатами вследствие того, что для получения желаемого результата нужно не только искусство ее проецировать, но и умение правильно оценивать восприятие реальности, взгляды, цели той стороны, на которую ориентировано такое влияние.

II

Тема «мягкой силы» нашла отражение в выступлениях ведущих британских политиков¹⁰, ее рассматривали в специальном комитете

---

¹⁰ Blair T. Defence Perspectives — Defending the United Kingdom and its Interests. Royal United Services Institute, London, 11 January 2007. Available at: <https://www.rusi.org/events/past/ref:E45A6104E7E1A8/info:public/infoID:E45A611EFEA3F2/> (accessed: 15.06.2014); Cameron D. How Britain Can Best Address the Threats of the 21st Century. Chatham House, London, 15 January 2010. Available at: www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Meetings/Meeting%20Transcripts/150110cameron.pdf (accessed: 15.06.2014); Hague W. Britain's Foreign Policy in a Networked World. Foreign and Commonwealth Office, London, 1 July 2010 (a). Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/britain-s-foreign-policy-in-a-networked-world--2> (accessed: 15.06.2014); Hague W. Britain's Values in a Networked World. Lincoln's Inn, London, 15 September 2010 (b). Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretary-britains-values-in-a-networked-world> (accessed: 15.06.2014); Howell D. (Lord). Speech to the Wilton Park International Council. Wilton Park International Council, 31 May 2012. Available at: <https://www.wiltonpark.org.uk/lord-howells-speech-to-the-wilton-park-international-council-2012/> (accessed: 15.06.2014).

Палаты лордов и в Палате общин британского парламента¹¹. Различные аспекты дискурса «мягкой силы» обсуждались также такими ведущими «мозговыми центрами» Великобритании, как Королевский институт объединенных служб по исследованиям в области обороны и безопасности (Royal United Services Institute for Defense and Security Studies — RUSI), Британский королевский институт международных отношений (Royal Institute of International Affairs — RIIA, более известный как «Чэтэм-хаус»), Институт управления (the Institute for Government — IfG), Институт культурной дипломатии, Британский Совет, Британская академия и др. Эти учреждения подготовили ряд публикаций и семинаров на тему британской «мягкой силы»¹² [Harvey, 2010].

Пожалуй, первым из британских премьер-министров, который ввел в употребление термин «мягкая сила», стал Э. Блэр. Ему всегда был присущ больший интерес к внешней политике, нежели к внутренним проблемам страны, он стремился продемонстрировать активность и величие новой Великобритании. Вместе с тем он, будучи автором «новой доктрины международного сообщества», подразумевавшей, что гуманитарная интервенция в регионы, где систематически нарушаются права и свободы человека, допустима и оправдана, более тяготел к использованию «жесткой силы» во имя достижения политических целей, к интервенционистскому подходу [Кулькова, 2013]. Во время его пребывания у власти британские вооруженные силы были задействованы в боевых операциях за рубежом больше, чем в любое другое время на протяжении всего периода после Второй мировой войны [Taylor, Waldman, 2013: 3]. О соотношении «мягкой» и «жесткой силы» в своей политике он сказал в своей известной речи 2007 г. в Королевском институте объединенных служб по исследованиям в области обороны и безопасности, заявив, что сочетание «жесткой» и «мягкой силы» было отличительной чертой внешней политики, проводимой его правительством в течение последних 10 лет. Речь эта была произ-

---

¹¹ Use of 'soft power' in interests of UK. House of Lords Debates. 28 April 2011. Materials. British Parliament Official Website. Available at: <http://www.parliament.uk/business/news/2011/april/soft-power-debate/> (accessed: 15.06.2014); *Newson N.* Debate on 28 April 2011: Co-ordination between Government Departments on the use of Soft Power. House of Lords Library Note. 14 April 2011. LLN 2011/014. Available at: <http://www.parliament.uk/business/news/2011/april/soft-power-debate/> (accessed: 15.06.2014).

¹² McClory J. The New Persuaders: an International Ranking of Soft Power. London: Institute for Government, 2010. Available at: <http://www.instituteforgovernment.org.uk/publications/new-persuaders> (accessed: 15.06.2014); Idem. The New Persuaders II: a 2011 Global Ranking of Soft Power. London: Institute for Government, 2011. Available at: <http://www.instituteforgovernment.org.uk/publications/new-persuaders-ii> (accessed: 15.06.2014); Idem. McClory J. The New Persuaders III: a 2012 Global Ranking of Soft Power. London: Institute for Government, 2013. Available at: <http://www.instituteforgovernment.org.uk/publications/new-persuaders-iii> (accessed: 15.06.2014).

несена, когда британские войска уже несколько лет находились в Ираке и Афганистане, а самого Э. Блэра многие порицали за вовлечение в эти конфликты во имя поддержки США. Отвечая на это порицание, он говорил о том, что есть желающие видеть Великобританию в XXI в. в роли носителя лишь «мягкой силы», лидера по вопросам борьбы с изменениями климата, борьбы с бедностью, за мир и восстановление и хотят, чтобы Великобритания оставила демонстрацию «жесткой силы» другим. Он подчеркнул, что не разделяет такую точку зрения. Как он отметил, ее сторонники согласны сохранить «жесткую силу» в принципе, но не хотят применять ее к этому конкретному конфликту или вместе с этим конкретным союзником. Однако в реальности это работает не так, указывал Э. Блэр, поэтому он подчеркивал: «Для меня “жесткая” и “мягкая силы” управляются одними и теми же принципами. Мир взаимозависим. <...> Глобальная взаимозависимость требует, чтобы глобальные ценности применялись повсеместно. Но иногда требуется сила, чтобы расчистить место для применения этих ценностей, например, в Сьерра-Леоне или Косово. Итак, на мой взгляд, откладывание “жесткой силы” в сторону неумолимо влечет за собой ослабление “мягкой силы”»¹³.

Э. Блэр был верным сторонником США и за это понес тяжелые политические потери в собственной стране и в ЕС. Британский исследователь Ч. Грант отмечал, что политический потенциал и харизма Э. Блэра позволяли ему стать одним из наиболее ярких и влиятельных деятелей в европейской политике, но в 2003 г. он принял решение участвовать в войне в Ираке и не проводить референдум по вопросу о переходе на евро, и от этого двойного удара его позиции в ЕС уже никогда не восстановились. «Британская “мягкая сила”, которая может быть определена как ее привлекательность для граждан других стран и уважение, которое они испытывают к Великобритании, долго страдала от восприятия, что на первом месте для страны находится ее лояльность к США. Британское решение о вторжении в Ирак сильно укрепило это представление. <...> никакая другая страна ЕС не была настолько не критичной в отношении внешней политики США. <...> Общественное мнение в ЕС было очень враждебно по отношению к Дж. Бушу-мл. и его внешней политике. Часть этой враждебности бросила тень и на Блэра, и на британцев» [Grant, 2007: 8].

Учитывая печальный опыт своего предшественника, рассорившегося с ведущими европейскими столицами и практически утра-

---

¹³ Blair T. Defence Perspectives — Defending the United Kingdom and its Interests. Royal United Services Institute, London, 11 January 2007. Available at: <https://www.rusi.org/events/past/ref:E45A6104E7E1A8/info:public/infoID:E45A611EFEA3F2/> (accessed: 15.06.2014).

тившего доверие собственного народа, Гордон Браун избегал вовлечения в какие-либо новые военные операции и был настроен более проевропейски. Внешняя, в частности африканская, политика Великобритании в период премьерства Г. Брауна определялась во многом задачей преодоления угроз глобального финансового кризиса. Г. Браун был апологетом британского величия во внешней и внутренней политике как в прошлом, так и в настоящем. Данные идеи он развивал в своих выступлениях, еще будучи министром финансов при Э. Блэре. Это величие, считал он, проявлялось и в том, как Британия вела себя в прошлом в отношении завоеванных ею стран. «Дни, когда Британия должна была извиняться за свою колониальную историю, закончились», — провозгласил он в 2005 г. в Танзании во время турне по четырем странам субсахарской Африки и непосредственно перед визитом в ЮАР¹⁴.

Г. Браун произнес несколько ключевых речей о том, что значит «быть британцем» (Britishness)¹⁵. Величие Великобритании на современном ему этапе он видел в том, чтобы страна содействовала международному развитию, решению глобальных проблем, активно помогала развивающимся странам в достижении Целей развития тысячелетия. Выступая в ООН уже в качестве премьер-министра, он отметил, что достижение восьмой цели — сформировать всемирное партнерство в целях развития — возможно лишь в случае объединения усилий правительств с энергией и талантами представителей частного сектора, неправительственных организаций, религиозных общин, простых граждан во всем мире. «Сумма всех индивидуальных действий, работающих на достижение подлинных изменений. Некоторые называют это мобилизацией “мягкой силы”. Я называю это “силой людей” (“people power”), силой людей в поддержку лидеров развивающихся стран»¹⁶.

Достичь своих внешнеполитических целей Великобритания могла, по мнению Г. Брауна, лишь опираясь на сильное гражданское общество, на своих патриотов. «Я убежден, что глобализация просто создана для Великобритании, стабильной, открытой внешнему миру, приверженной научному прогрессу и ценности образования. Принимая верные долгосрочные решения, Британия наряду с Китаем, Индией и Америкой может стать одной из великих исто-

---

¹⁴ Brogan B. It's time to celebrate the Empire, says Brown // Daily Mail. 15 January 2005. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-334208/Its-time-celebrate-Empire-says-Brown.html> (accessed: 15.06.2014).

¹⁵ Brown G. Chancellor Gordon Brown's speech at the seminar on Britishness at the Commonwealth club, London. 27 February 2007 // The Guardian. Available at: <http://www.theguardian.com/politics/2007/feb/27/immigrationpolicy.race> (accessed: 15.06.2014).

¹⁶ Brown G. Brown's speech at UN // BBC. 31 July 2007. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/6924570.stm (accessed: 15.06.2014).

рий успеха в новую глобальную эру»¹⁷. Далее он подчеркивал, что нации, которые принимают и преодолевают новые глобальные вызовы и изменения, делают это не только благодаря дальновидным правительствам, но благодаря сплоченности народа, разделяющего общее видение целей нации и готового идти на жертвы ради достижения национальных приоритетов.

Новое коалиционное правительство Великобритании под руководством консерватора Дж. Кэмерона, пришедшее к власти в 2010 г., актуализировало дискуссию по проблемам «мягкой силы» страны. Это было связано с изменением международной расстановки сил. Целый ряд развивающихся экономик быстро набирал политическую и финансовую мощь. Многие из этих стран (такие как Китай, Турция, Бразилия) начали активно мобилизовать и наращивать свой потенциал «мягкой силы», что не могло не беспокоить Запад. Кроме того, финансовый кризис заставил Великобританию пересмотреть возможности и инструменты своего внешнеполитического влияния. Размышления о «мягкой силе» страны оказались как нельзя более востребованы и в контексте проведения таких знаковых для Великобритании мероприятий, как Олимпиада-2012 и празднование Бриллиантового юбилея королевы Елизаветы II.

Уже летом—осенью 2010 г. британский министр иностранных дел У. Хейг произнес четыре важные речи относительно принципов и приоритетов внешней политики правительства. Одна из них была посвящена британским ценностям в мире, где все большую роль играют разнообразные сетевые структуры. В этой речи он отмечал, хотя и не говоря прямо о «мягкой силе», что считает британские ценности важным элементом обеспечения британского влияния в мире¹⁸. Премьер-министр Дж. Кэмерон также одобрительно высказывался о потенциале использования «мягкой силы» при дискуссиях в Палате общин по поводу поддержки выступлений сторонников демократии в странах Северной Африки и Ближнего Востока в ходе «арабской весны»¹⁹.

В предисловии к докладу Британского Совета (2013) министр иностранных дел Великобритании У. Хейг отмечал: «Внешняя политика сегодня не является исключительной прерогативой правительства. Сейчас существует огромное множество связей между

---

¹⁷ Brown G. The future of Britishness. Gordon Brown's keynote speech to the Fabian Future of Britishness conference, 14 January 2006. Available at: <http://www.bopionews.com/britishness.shtml> (accessed: 15.06.2014).

¹⁸ Hague W. Britain's Values in a Networked World. Lincoln's Inn, London, 15 September 2010 (b). Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretary-britains-values-in-a-networked-world> (accessed: 15.06.2014).

¹⁹ House of Commons. Parliamentary Debates. London: Hansard, 28 February 2011, col 41; House of Commons. Parliamentary Debates. London: Hansard, 18 March 2011, col 626.

индивидами, гражданским обществом, компаниями, группами влияния, благотворительными организациями, и все они являются частью взаимоотношений между нациями. Сейчас важнее, чем когда-либо ранее, встроиться в эти новые сети человеческого взаимодействия по всему миру, используя намного больше каналов для этого, включая социальные медиа, и стараться продвигать наши идеи на международных площадках общественного мнения так же, как за столами международных переговоров» [Holden, Tryhorn, 2013: 2]. К активам мягкого британского влияния У. Хейг относил английский язык как медиума общения с миллиардами людей, исторические связи с почти каждым народом на Земле в силу истории и многокультурного британского общества, британские навыки в сфере оказания финансовых услуг, инженерной мысли, науки и технологии, которые он считает непревзойденными. Такие институты, как Британский Совет, Всемирная служба Би-би-си, крупнейшие британские университеты, он называл «маяками демократических ценностей» для всего мира.

Однако, отметил британский министр иностранных дел, для того чтобы британская дипломатия оставалась высокоэффективной в меняющемся мире XXI в., «нужно постоянно совершенствовать и адаптировать пути нашего взаимодействия с другими странами и их гражданами. Мы должны найти новые способы взаимодействия с общественным мнением в восходящих странах по всему миру, стараясь поддерживать права человека и стремление к свободе и стимулировать инновации» [Holden, Tryhorn, 2013: 2]. Особенно важно, отметил он, привлекать лучшую, наиболее яркую молодежь из других стран учиться, работать, путешествовать в Великобритании.

«Мягкая сила», по мнению У. Хейга, должна быть направлена не только на защиту британских интересов, но и на обеспечение процветания, безопасности, уважения прав человека в других странах, на выполнение целей международного развития, борьбу со значимыми глобальными проблемами. Резюмируя, он отмечал, что, по его мнению, «Великобритания остается культурной сверхдержавой современного мира» [Holden, Tryhorn, 2013: 2].

В 2013 г. по инициативе Комитета по связям (Liaison Committee) Палаты лордов был создан *ad hoc* Комитет по «мягкой силе» и влиянию Великобритании (The Committee on Soft Power and the UK's Influence). Комитет по связям отвечает за взаимодействие двух палат парламента, а также ежегодно дает рекомендации по работе специальных комитетов Палаты лордов, оценивает их деятельность и целесообразность создания временных (*ad hoc*) комитетов²⁰.

---

²⁰ Liaison Committee — Role. Available at: <http://www.parliament.uk/business/committees/committees-a-z/lords-select/liaison-committee/role/> (accessed: 15.06.2014).

В рамках очередного рассмотрения результатов работы комитетов Палаты лордов была одобрена инициатива ряда парламентариев по созданию временного специального комитета для оценки того, как британские правительственные институты координируют между собой в использовании «мягкой силы» для достижения внешнеполитических целей и в выработке рекомендаций на будущее²¹. Комитет по «мягкой силе» и влиянию Великобритании возглавил лорд Хауэлл от Гилфорда, представитель Консервативной партии в Палате лордов по вопросам внешней политики и Содружества наций, с 2010 по 2012 г. занимавший высокий пост государственного министра в Форин-офис. Во время дебатов по «мягкой силе», организованных Британским Советом 18 июня 2013 г., лорду Хауэллу задали вопрос, почему произошло учреждение такого специфического комитета, как возглавляемый им Комитет по «мягкой силе» и влиянию Великобритании, что необычно для Палаты лордов. Он ответил, что это обусловлено огромным экспертным потенциалом верхней палаты, где заседают бывшие министры иностранных дел, бывшие послы, заслуженные профессора, которые обладают глубокими знаниями о современных меняющихся международных отношениях. Он отметил также, что до этого в Палате лордов не было комитета по международным делам. Был ряд комитетов, сосредоточенных на взаимодействии с ЕС, но при этом оказался упущенным подъем Азии, Африки и Латинской Америки²².

Кроме того, Палата лордов при создании Комитета учитывала, что правительство Великобритании сейчас обеспокоено тем, как наилучшим образом использовать британскую «мягкую силу» в своей внешней политике. В 2005 г. лорд Картер предпринял пересмотр британской публичной дипломатии и опубликовал доклад по его итогам, вследствие чего в 2006 г. при Форин-офис был создан Совет по публичной дипломатии (Public Diplomacy Board). В 2009 г. он был заменен Форумом по стратегической коммуникации и публичной дипломатии (Strategic Communication and Public Diplomacy Forum), но сейчас он неактивен. В 2010 г. правительство приняло Национальную стратегию безопасности и развивающий ее положения Стратегический обзор в сфере обороны и безопасности (Strategic Defence and Security Review) под названием «Обеспечение безопасности Великобритании в век неопределенности».

---

²¹ Review of select committee activity and proposals for new committee activity — Liaison Committee. First Report of Session 2012–13 (paragraphs 39–43). Available at: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201213/ldselect/ldliaison/135/13504.htm#a10> (accessed: 15.06.2014).

²² Holden J., Davidson M., MacKenzie R., Sands S., Howell D. ‘Once you are into propaganda, you are finished’ — debate on soft power (transcript) // British Council, June 20, 2013. Available at: <http://blog.britishcouncil.org/2013/06/20/debate-transcript-soft-power/> (accessed: 15.06.2014).

Впервые британское правительство приняло единым пакетом ряд решений по вопросам обороны, безопасности, разведки, возможностей в сфере международного развития и иностранных дел. И стратегия, и обзор подчеркивали значимость «мягкой силы» в свете урезания расходов на оборону. Кроме того, бизнес-план Форин-офис, принятый в 2010 г., содержал обещание «разработать долгосрочную программу по усилению “мягкой силы” Соединенного Королевства, согласованную с Национальным советом по безопасности»²³.

За год Комитет провел интенсивную работу с дипломатами, представителями властных и общественных структур, СМИ, бизнеса, культуры и спорта, собрал широкий круг свидетельств и мнений о том, что же такое «мягкая сила» Великобритании, как ее следует использовать и наращивать. По сути, именно этот богатейший практический материал и стал основой доклада. Проанализировав полученный массив данных, Комитет в марте 2014 г. подготовил подробный доклад «Убеждение и власть в современном мире»²⁴.

Все инструменты «мягкой силы» Великобритании, тщательно проанализированные в докладе, а также некоторые соображения относительно их были наглядно и в сжатой форме показаны на специальной схеме — диаграмме связей²⁵.

Так, на ней было отмечено, что важным инструментом «мягкой силы» Великобритании является ее проактивная позиция в рамках международных сетевых структур и институтов (ООН, ЕС, НАТО, «Большая двадцатка», «Большая восьмерка», Содружество). Всего Великобритания является участницей 80 многосторонних организаций²⁶.

Подчеркивалась необходимость проецировать во внешний мир образ сильной страны, адаптировать внешнюю политику Великобритании к миру множества взаимосвязей, развитой коммуникации (hyper-connected world), в котором и у правительства, и у граждан

---

²³ Review of select committee activity and proposals for new committee activity — Liaison Committee. First Report of Session 2012–13 (paragraphs 39–43). Available at: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201213/ldselect/ldliaison/135/13504.htm#a10> (accessed: 15.06.2014).

²⁴ Persuasion and Power in the Modern World. House of Lords. Select Committee on Soft Power and the UK's Influence. Report of Session 2013–14. London, 28 March 2014. 155 p. Available at: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldselect/ldsoft-power/150/15002.htm/> (accessed: 15.06.2014).

²⁵ The mind map exploring the UK's soft power. British Parliament Official Website. Available at: <http://www.parliament.uk/business/committees/committees-a-z/lords-select/soft-power-and-the-uks-influence/news/soft-power-report-24mar14/> (accessed: 15.06.2014).

²⁶ Persuasion and Power in the Modern World. House of Lords. Select Committee on Soft Power and the UK's Influence. Report of Session 2013–14. London, 28 March 2014. P. 80. Available at: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldselect/ldsoft-power/150/15002.htm/> (accessed: 15.06.2014).

страны есть много возможностей напрямую обращаться к гражданам других государств. Авторы доклада полагали, что британские институты и граждане играют важную роль в упрочении репутации страны, создании ее привлекательного образа среди граждан других стран²⁷. Отмечалось, что из-за меняющейся природы конфликтов во многих ситуациях обращения лишь к военной силе недостаточно, следовательно, необходимо сочетать использование методов «мягкой силы» и «жесткой силы» для создания «умной силы». Например, можно использовать вооруженные силы для гуманитарных миссий и постконфликтного восстановления²⁸. Рекомендовалось использовать возможности сообществ различных диаспор, проживающих в Великобритании, за рубежом. Было предложено также избегать таких политических действий, которые подрывают потенциал «мягкой силы» Великобритании (например, необходимо прекратить применять жесткие меры иммиграционного контроля в отношении студентов). Среди прочих источников «мягкой силы» назывались: работа британских неправительственных организаций (НПО), помощь развивающимся странам, связь Великобритании со всем миром посредством английского языка, донесение до мира актуальной информации о Великобритании и огромная роль Би-би-си на этих двух направлениях, поддержание лидирующих позиций Великобритании в сфере образования, чему способствуют международные стипендии на обучение иностранных студентов, международное академическое сотрудничество. Отмечались также значимость поддержания сильных аспектов британской культурной, творческой и спортивной жизни, важная роль в этом Британского Совета.

Авторы доклада указывали, что в международных отношениях за последние десятилетия произошли значительные изменения, которые будут лишь набирать размах в будущем. К таким изменениям они относили: беспрецедентный доступ мировой общественности к информации, ранее бывшей исключительным достоянием государственной власти; нарастающие осведомленность и влияние индивидов и групп в цифровом пространстве; растущую роль глобальных протестных сетей и негосударственных организаций; сложность современных глобальных товарных цепочек и цепочек добавленной стоимости и операций ТНК; усилившуюся урбанизацию; возрастающую асимметрию современных вооружений; транснациональные угрозы, размывающие и фрагментирующие традиционную государственную мощь; возрастающие возможности

---

²⁷ Ibid. P. 5–7.

²⁸ Ibid. P. 67–71.

коммуникации граждан всех стран мира между собой; растущую экономическую и политическую мощь незападных государств (имеваемую «подъемом остальных», или «rise of the rest»)²⁹.

Все эти изменения повлияли на способность Великобритании, как и других государств, эффективно проецировать свое влияние во внешнем мире. Великобритания сейчас нуждается в более активном использовании методов «мягкой силы» для повышения своего веса на международной арене. Задачи, при решении которых возможно задействовать инструменты «мягкой силы», в целом таковы: содействие выработке у других стран общих с Великобританией интересов, выстраивание позитивных устойчивых отношений и коалиций с другими странами, которые помогали бы защищать интересы и безопасность Великобритании, поддержание национальной репутации, содействие торговле и процветанию страны.

Авторы доклада подчеркивали, что они ни в коей мере не рассматривали «жесткую силу» и «мягкую силу» как альтернативы в осуществлении внешнеполитического курса страны. Следует помнить, что во многом положение Великобритании в современном мире покоится на ее инструментарии «жесткой силы», например на обладании статусом ядерной державы, имеющей одну из самых современных и мобильных армий мира. «Парадоксально, дипломатическое влияние, которым обладает Великобритания, во многом зависит от того, что другие державы признают ее способность проводить дипломатию принуждения, подкрепленную военной мощью, тогда, когда это потребует. Оптимальным поэтому могло бы быть обретение баланса между возможностями “жесткой” и “мягкой силы” и их сплав» [Spence, 2010: 6].

Эксперты Комитета подчеркивали, что необходимо эффективное комбинирование двух видов силы, или «умная сила», и это комбинирование уже хорошо удается Великобритании³⁰. Они подчеркивали, что внешняя политика страны в ее взаимодействии с другими государствами и сообществами должна быть существенно изменена в соответствии с вызовами времени, чтобы она могла по-прежнему эффективно служить интересам Великобритании и ее граждан. Отмечалось, что традиционные соперники страны (упоминались Китай и Россия) активно инвестируют в новые стратегии

---

²⁹ Persuasion and Power in the Modern World. House of Lords. Select Committee on Soft Power and the UK's Influence. Report of Session 2013–14. London, 28 March 2014. P. 5–7. Available at: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldselect/ldsoftpower/150/15002.htm/> (accessed: 15.06.2014).

³⁰ Persuasion and Power in the Modern World. House of Lords. Select Committee on Soft Power and the UK's Influence. Report of Session 2013–14. London, 28 March 2014. P. 49–53. Available at: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldselect/ldsoftpower/150/15002.htm/> (accessed: 15.06.2014).

осуществления «мягкой силы», в том числе в культурную дипломатию³¹ [Persuasion and Power in the Modern World, 2014: 5–7].

Важно отметить, что авторы доклада полагали, будто Великобритания сможет увеличить свою «мягкую силу», несколько дистанцируясь во внешней политике от США и ЕС, несмотря на всю значимость стратегического партнерства с ними. Как отмечалось в докладе, если Великобритания не будет проводить собственную, высоко независимую внешнеполитическую линию, а будет ассоциироваться с политикой Вашингтона или Брюсселя, то это может нанести существенный ущерб ее «мягкой силе». Так, Дж. Най-мл., дававший свое свидетельство для включения в доклад, отметил, что, несмотря на привлекательность американской культуры, внешняя политика США очень непривлекательна, особенно в мусульманском мире, так или иначе затронутом «войной с террором». Если Великобритания поддерживает Соединенные Штаты в военных действиях за рубежом, не считаясь с общественным мнением внутри страны или вне ее, то она может начать восприниматься как агрессор по отношению к исламскому миру³². В то же время ассоциация с политикой Брюсселя также может негативно повлиять на «мягкую силу» Великобритании, поскольку ЕС во многих регионах мира сейчас воспринимается как «неоколониальная сила».

В докладе были рекомендации правительству избегать экономии на институтах и инструментах «мягкой силы», опираться на них, адекватно доносить до общественности необходимость соответствующих трат для поддержания потенциала государства в этой сфере.

Среди основных рекомендаций Комиссии правительству были следующие³³:

- активно поддерживать существующую систему британских посольств за рубежом, увеличивать их финансирование;
- учесть уроки, вынесенные из практики межведомственного сотрудничества Министерства международного развития, Министерства обороны и Министерства иностранных дел в области постконфликтного восстановления в Афганистане, представить их в форме специального доклада (Command Paper) в течение года после вывода британских войск из этой страны;
- более четко уяснить ту роль, которую играют британские вооруженные силы в формировании «умной силы» страны (т.е. в комбина-

³¹ Ibid. P. 5–7.

³² Ibid. P. 61–62.

³³ Persuasion and Power in the Modern World. House of Lords. Select Committee on Soft Power and the UK's Influence. Report of Session 2013–14. London, 28 March 2014. P. 8–21. Available at: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldselect/ldsoftpower/150/15002.htm/> (accessed: 15.06.2014).

ции «жесткой» и «мягкой силы»); при происходящем реформировании вооруженных сил сохранить достаточное их финансирование; в рамках подготовки Стратегического обзора в сфере обороны и безопасности в 2015 г. провести тщательный анализ того, как «мягкая сила» и «умная сила» могут быть применены для обеспечения безопасности страны;

– приложить все усилия для обеспечения Великобритании статуса игрока, наиболее включенного во все возможные структуры влияния, во все сети глобальных политических связей («the best-networked state in the world»); при этом особенно подчеркивалась необходимость активно включаться в «сетевые структуры будущего» [Саворская, 2013], о которых сейчас идет интенсивная дискуссия в экспертной среде и политических кругах по всему миру (структуры, в которых участвуют ключевые восходящие экономики), а также уделять больше внимания потенциалу Британского Содружества;

– принять меры, позволяющие использовать «мягкую силу» для поддержки британского экспорта, предпринимательства, инноваций;

– делать выверенные шаги в области иммиграционной политики: обеспечить быстрый, легкий и недорогой въезд в Великобританию всех лиц, имеющих законные на то основания, особенно же не препятствовать въезду студентов; правительству — осуществлять свою визово-иммиграционную политику таким образом, чтобы не препятствовать въезду лиц, которые могут внести вклад в британское процветание. Авторы доклада обеспокоены сложившейся в этой сфере ситуацией и ее негативным влиянием на «мягкую силу» страны³⁴.

Эксперты Комитета отмечали: «Внешняя политика не должна более определяться исключительно западными моделями модернизации и политического развития. Великобритания должна принимать во внимание то, что такие страны, как Китай, следуют другими путями, и работать совместно с ними за пределами традиционных многосторонних структур, таких как Совет Безопасности ООН. Великобритания должна справиться с таким сдвигом восприятия, будучи страной, уникальным образом подготовленной к тому, чтобы понимать, уважать и работать с новым, возникающим сейчас смещением восточных, западных и южных сил, культур и ценностей. Великобритании необходимо пересмотреть свои ориентиры, восходящие к XX в., и обратить свой взор к Азии, Африке и другим регионам, странам и сообществам»³⁵.

---

³⁴ Ibid. P. 132.

³⁵ Persuasion and Power in the Modern World. House of Lords. Select Committee on Soft Power and the UK's Influence. Report of Session 2013–14. London, 28 March 2014. P. 21. Available at: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldselect/ldsoft-power/150/15002.htm/> (accessed: 15.06.2014).

III

Бывший руководитель сектора культуры в британском «мозговом центре» «Демос» (Demos) профессор Джон Холден отмечает, что в последнее десятилетие произошла революция в реальном и виртуальном общении и контактах между людьми во всем мире. Это создало новый политический контекст и потребность в новой дипломатии³⁶.

К новшествам, упростившим общение людей со всего света, он относит дешевые авиаперелеты, миграцию, Интернет. Изменились не только масштаб и средства коммуникации, но и ее содержание: оно во многом относится к сфере культуры. Имеется в виду искусство, фильмы, музыка, литература, танцевальные стили. Люди выражают себя и познают мир преимущественно через культурные ценности. Резкое увеличение такого культурного взаимодействия между представителями разных народов влияет на политическую сферу: непонимание чужой культуры может повлечь политические проблемы, а привлекательная культура страны придает больший вес ее голосу и в международных отношениях. Однако не все так просто и позитивно: культурные объекты, ценности, идеи могут стать и «яблоком раздора» между народами.

Культура создает новую международную политико-экономическую ситуацию. Так, туристы в Великобританию едут в основном из-за ее культурной притягательности [Holden, Tryhorn, 2013].

К тому же культура и коммуникации становятся все более демократизированными. Они взаимно влияют друг на друга и увеличивают силу народной дипломатии. Творческие люди — художники, поэты, актеры, режиссеры — повсеместно реагируют на политические изменения одними из первых, а зачастую их деятельность становится катализатором политических сдвигов. Мнение людей искусства все чаще можно услышать в политических СМИ. Культурное самовыражение и заинтересованность в политической свободе идут рука об руку. Правительства не могут и не должны контролировать культуру, отмечает эксперт, но следует осознавать мощную роль культуры в современных международных отношениях. Западные правительства в целом, отмечает Дж. Холден, снизили свою финансовую поддержку культуры и культурной дипломатии, это часть неолиберального ответа финансовому кризису. Однако это большая ошибка, так как международные культурные отношения — это долгосрочные инвестиции, стратегическое выстраивание отношений, и нельзя ждать от них немедленной такти-

---

³⁶ Holden J. Why Britain can't afford to fall behind in the race for soft power // New Statesman. 19 June 2013. Available at: <http://www.newstatesman.com/politics/2013/06/why-britain-cant-afford-fall-behind-race-soft-power> (accessed: 15.06.2014).

ческой выгоды. При этом страны Востока и Юга — Китай, Россия, Бразилия, Индия, в отличие от Запада, сейчас много инвестируют в продвижение своих стран через культуру. Китай рассматривает влияние западной культуры как идеологическую борьбу, стремится к тому, чтобы сила и международное влияние китайской культуры стали вровень с международным положением КНР. Например, Китай вложил около 4 млрд долларов в развитие своих СМИ, ведущих вещание на зарубежную аудиторию, открыл Институты Конфуция и классные комнаты Конфуция во многих странах мира за последние несколько лет. Однако, указывает Дж. Холден, Китай ограничивает культурный импорт: например, там разрешают к прокату лишь 20 зарубежных фильмов ежегодно. С точки зрения исследователя, это ошибка. «Мягкая сила», основанная на культуре, происходит из двустороннего культурного диалога, и для Великобритании это урок — надо не только продвигать свою культуру, но и вкладывать время и усилия в изучение других культур. Запад должен продолжать оказывать финансовую поддержку своей культуре и культурной дипломатии, в противном случае Китай увеличит свое глобальное влияние и роль в мировой торговле, что для Запада станет большой потерей.

Идеи о связи культурной дипломатии с «мягкой силой» отражены в докладе «Влияние и притяжение: культура и гонка за “мягкой силой” в XXI веке», подготовленном Британским Советом совместно с фондом «Демос».

Следует отметить, что деятельность Британского Совета получает высокую оценку Форин-офис. Офисы Британского Совета существуют в 100 странах, на 75% финансирование организации идет от ее собственной деятельности (ежегодный оборот — 739 млн фунтов стерлингов), и оставшиеся 25% финансирования вкладывает британское правительство. На каждый вложенный государством фунт идет отдача на 3 фунта от реализации целей Совета [Holden, Tryhorn, 2013: 1].

Авторы доклада Британского Совета к основным формам выражения культуры относят язык, спорт, образование, популяризацию национальной кухни, а также религию. Культурные отношения имеют целью распространение национальной культуры посредством таких инструментов, как образовательные обмены, преподавание языка, художественные представления, шоу, музейные выставки, международное телерадиовещание и другие виды деятельности.

Культурное взаимодействие способствует увеличению доверия между народами, позитивно влияет на туризм и торговлю. В странах БРИКС и в целом в Азии и на Ближнем Востоке отношение к культурным связям становится все более серьезным, увеличивается расходование средств на эти цели [Holden, Tryhorn, 2013: 3–4].

В докладе не дается четкого определения терминов «культурная дипломатия», «культурные отношения», так как авторы говорят о сложности самого понятия «культура». Однако по изложению становится понятно, что они все же разграничивают «мягкую силу», «публичную дипломатию» и «культурные отношения» [Holden, Tryhorn, 2013: 7–8, 24]. «Культурную дипломатию» можно считать скорее одним из комплексных методов проявления «мягкой силы», в рамках которого используется множество инструментов, упомянутых ранее. «Мягкая сила» — понятие, безусловно, более широкое, нежели «культурная дипломатия».

В докладе прогнозируются увеличение влияния НПО, «третьего сектора» дипломатии, рост взаимодействия на уровне городов, культурной дипломатии индивидуальных граждан. Главное в будущем — не только сохранение финансирования культуры, но и способность Великобритании оставаться открытой другим культурам и гибко реагировать на изменения мировых трендов.

По мнению авторов доклада, правительству следует [Holden, Tryhorn, 2013: 4]:

- создавать условия для процветания более широких и глубоких культурных межличностных коммуникаций;
- работать с коммерческими инициативами и инициативами «третьего сектора», так как это стимулирует инновации и снижает зависимость от государственного финансирования;
- создавать смешение традиционных и цифровых стратегий, поскольку это прибыльно и соответствует растущему усложнению технологий;
- уделять внимание культурным отношениям не только с внешними силами, но и с собственным обществом, чтобы воспитывать культурно грамотное население, способное адекватно и своевременно разбираться в мировых реалиях;
- поддерживать культурный обмен посредством независимых, автономных агентств, поскольку прямая вовлеченность правительства порождает подозрительность и враждебность;
- поддерживать долгосрочное выстраивание отношений, ибо это эффективнее прикладного мышления, нацеленного на краткосрочные взаимодействия.

Очень важная мысль авторов доклада заключается в том, что для извлечения максимума из культурных отношений в самой Великобритании и за ее пределами правительству нужно проявлять заботу о том, чтобы британские граждане были осведомлены о глобальных трендах, владели языками, хорошо разбирались в культуре и были терпимы к различиям. Сама культура хорошо развивается лишь в условиях постоянного взаимообмена с другими культурами, из которых черпаются новые идеи и методы.

Авторы доклада считают, что такое культурное событие, как церемония открытия Олимпийских игр в Лондоне, лучше способствовало определению и демонстрации того, что же такое «британская идентичность», нежели усилия политиков на протяжении десятилетий, причем это почувствовали сами британцы, наблюдавшие действо [Holden, Tryhorn, 2013: 5]. Британская музыка является одним из основных видов экспорта и приносит доход, равный примерно 2 млрд долларов в год [Holden, Tryhorn, 2013: 8].

Политика влияет на культуру, но и культурные события сейчас во все большей степени влияют на политику. Культурная дипломатия меняет фокус: сегодня людям во всем мире становится все более важно узнавать больше о других культурах, нежели просто проецировать свою нацию на других через культуру. Политические и бизнес-элиты пока не всегда поспевают за размахом и скоростью культурных изменений. Во всем мире растет понимание того, что если средства культуры будут поставлены на службу государству, то их эффективность и доверие к ним будут подорваны. Об этом в Великобритании говорили еще в 2005 г., когда лорд Картер, британский парламентарий-лейборист, член Палаты лордов, предпринял ревизию инструментов и достижений публичной дипломатии и опубликовал доклад на эту тему³⁷.

Однако культурные отношения все же отражают изменения политических приоритетов и целей страны. Например, культурные агентства многих европейских государств сократили свой охват европейских событий и больше сосредоточились на странах БРИКС и Ближнего Востока [Holden, Tryhorn, 2013: 13]. Китай сейчас все больше нацелен на то, чтобы сделать культуру одним из столпов страны, ее руководством поставлена цель к 2015 г. тратить на культуру около 5% ВВП [Holden, Tryhorn, 2013: 13].

Исследование Британского Совета 2012 г. показало, что иностранные граждане, владеющие английским языком, в интервью демонстрировали более высокий уровень доверия к Великобритании, нежели им не владеющие [Holden, Tryhorn, 2013:14]. Многие люди приобретают базовые познания в английском языке просто через поп-музыку или просмотр клипов на YouTube.

К факторам, которые могут влиять на формирование культурных отношений той или иной страны с миром, авторы доклада относили: внешнеполитические цели и задачи, желание произвести хорошее впечатление, историю, идеологию, ресурсы, язык, культурное достояние, коммерцию [Holden, Tryhorn, 2013: 14].

---

³⁷ Lord Carter of Coles. Public Diplomacy Review. December 2005. 78 p. British Council official website. Available at: www.britishcouncil.org/home-carter-report (accessed: 15.06.2014).

Иерархия действий, направленных на вовлечение людей в собственное культурно-идеологическое пространство, согласно британскому эксперту в области публичной дипломатии Марку Леонарду, выстраивалась следующим образом:

- 1-я ступень — увеличивать осведомленность;
- 2-я ступень — увеличивать понимание, генерировать восхищение;
- 3-я ступень — вовлекать людей;
- 4-я ступень — влиять на поведение [Holden, Tryhorn, 2013: 22].

Авторы доклада выделили новые элементы в понимании культурных отношений в мире на настоящем этапе:

- сейчас акцент смещается на взаимное постижение культур, ключевые понятия — «сотрудничество», «аутентичность», «взаимопонимание», «обучение»;

- культурные акторы в других странах сегодня в авангарде политических событий, становятся катализаторами социальных изменений, могут организовывать позитивную и конструктивную оппозицию (например, в Великобритании и США движения «Оссуру» в 2012 г. имели сильную культурную составляющую); курс на поддержку политических диссидентов за рубежом;

- государства Восточной Азии, Ближнего Востока, Персидского залива, страны БРИКС стали серьезней относиться к культурной дипломатии, стремясь противопоставить свою культуру повсеместной вестернизации;

- Запад сокращает финансирование на культуру, урезает зарубежное вещание, затрудняет иностранным студентам и туристам получение виз, начинает рассматривать культуру как непозволительную роскошь, что в корне неправильно.

Авторы доклада Британского Совета указывают, что широкое употребление термина «мягкая сила» снижает значимость культурных отношений, поскольку слово «мягкая» часто понимается как «менее эффективная и важная», но это неверно. На Востоке культурные отношения рассматриваются совсем иначе [Holden, Tryhorn, 2013: 23]. Западные правительства не всегда видят быстрый эффект, помощь в решении краткосрочных задач от своих инвестиций в культуру.

Эксперты Британского Совета также подсчитали, сколько офисов за рубежом есть у главных ведомств разных стран, ответственных за культурную дипломатию: Китай — 322 зарубежных офиса Института Конфуция, Франция — 229 офисов Французского института, Великобритания — 196 офисов Британского Совета, Германия — 159 офисов Института Гёте, Италия — 92 офиса Итальянского института культуры, Россия — 82 офиса Фонда «Русский мир» [Holden, Tryhorn, 2013: 24].

В сентябре 2011 г. Дж. Кэмерон объявил о начале программы «GREAT Britain», целью которой было продвижение образа Великобритании за рубежом как превосходного места для туризма, обучения или ведения бизнеса, а также улучшение имиджа страны и ее столицы в преддверии Олимпийских игр-2012. Были и более практические задачи — привлечь более 1 млрд фунтов стерлингов на развитие британского бизнеса и увеличить приток туристов в страну на 4 млн человек в год³⁸. В реализации программы участвовал широкий спектр правительственных ведомств, общественных организаций страны, частных компаний: Министерство иностранных дел и по делам Содружества, Британский Совет, Департамент торговли и инвестиций, Министерство по делам бизнеса, инноваций и профессионального образования, Британское управление по туризму, более известное как VisitBritain, секретариат кабинета министров. Эта кампания была ориентирована на зарубежную аудиторию и успешно достигла ее, увеличив познания иностранцев о Великобритании и вызвав у многих желание посетить страну³⁹. Сэнди Дауи, возглавляющая VisitBritain, отметила в 2014 г., что международный туризм в Великобританию является пятым по величине источником экспортных доходов страны. В 2013 г. иностранные туристы принесли рекордно высокие доходы — свыше 20 млрд фунтов стерлингов, что превысило на 13% показатели даже 2012 г. — года Олимпийских игр, и прогнозируется дальнейший рост доходов от туризма на 6% в год⁴⁰. Все это говорит о том, что программа «GREAT Britain» принесла свои плоды и является примером того, как можно эффективно задействовать ценные инструменты «мягкой силы» для продвижения имиджа страны и повышения ее привлекательности за рубежом.

2012 год стал знаковым для современной Великобритании — на него пришлось проведение летних Олимпийских игр в Лондоне и празднование Бриллиантового юбилея правления королевы Елизаветы II.

Как отмечал британский политический и общественный деятель Питер Маршалл, бывший заместитель генерального секретаря Британского Содружества в 1983–1988 гг., в своей статье, посвященной итогам этих событий [Marshall, 2013], в современном взаимозависимом мире любой аспект жизни британской нации может

---

³⁸ BBC. Uk. London 2012: David Cameron launches 'Great' campaign 22 September 2011. BBC official website. Available at: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-15019587> (accessed: 15.06.2014).

³⁹ Dawe S. Britain: A Thoroughly British Export. 17 April 2014. Huffington Post official website. Available at: http://www.huffingtonpost.co.uk/sandie-dawe/britain-a-thoroughly-brit_b_5165256.html (accessed: 15.06.2014).

⁴⁰ Ibidem.

иметь последствия для ее положения в мире, и это нужно учитывать при определении как внутренней, так и внешней политики. По его мнению, «мягкая сила» и «жесткая сила» взаимодополняемы, как видимый и невидимый экспорт. Так, невидимый экспорт — это не только услуги, но и ноу-хау, капитал, культура, язык и мировоззрение, управленческий опыт, ценности. П. Маршалл указывал, что на практике граница между «жесткой» и «мягкой силой» размыта, каждая проникает на территорию другой, и там, где применяются обе одновременно, аналитики говорят об «умной силе». Он отмечал, комментируя концепцию Дж. Ная-мл., что дискуссия о применении «умной силы» в контексте внешней политики США часто звучит как вопрос применения силы *против* кого-либо или чего-либо, в то время как державам меньшего ранга следует думать больше о возможностях применения своей силы *вместе* с другими или *для* других [Marshall, 2013: 426].

По мнению П. Маршалла, принятие Устава ООН в свое время возвестило о начале эры международных отношений как взаимодействия с положительной суммой, и для Великобритании, как ни для какой другой страны, именно этот подход к использованию своей «мягкой силы» должен быть особенно важным. Наивысшей формой применения британской «мягкой силы» П. Маршаллу видится идеал служения, воплощенный как в 60-летнем правлении королевы Елизаветы II, так и в усилиях британских спортсменов-олимпийцев и паралимпийцев и всех устроителей лондонской Олимпиады.

Думается, неслучайно в течение первого десятилетия XXI в. в Великобритании стало интенсивно развиваться новое поле исследований имперской истории страны в русле концепции «Британского мира». Эта идея подразумевала не только рассмотрение того, как и какими методами империя конструировалась и поддерживалась и как она изменялась с течением времени, но и анализ того, как народы и сообщества на подчиненных территориях начинали ассоциировать себя с британским стилем жизни, управления, культурой, определяя себя через причастность к британской идентичности или даже противостояние ей [Dubow, 2009: 1–3]. Концепция «Британского мира» имеет непосредственную связь с британскими исканиями основ и инструментов собственной «мягкой силы», будь то в прошлом или настоящем, ведь отчасти «Британский мир», пусть и не в имперской форме, существует и ныне — в виде Содружества.

В марте 2014 г. Британская академия также подготовила доклад, суммирующий изыскания в области «мягкой силы», под названием «Искусство притяжения: “мягкая сила” и роль Великобритании в мире». Авторы данной работы структурировали все источники

«мягкой силы» по двум группам: ресурсы общества (культура и наследие, язык, система образования, человеческий капитал, социокультурные институты, бизнес и инновации, спорт) и ресурсы государства (политические ценности, дипломатия, институт монархии) [Hill, Beadle, 2014: 22]. Это интересная классификация, которая может стать основой для дальнейших исследований на тему «мягкой силы» как в Великобритании, так и в других странах. Авторы доклада пишут о пяти дилеммах, связанных с использованием мягкой силы. Они отмечают, что если не уделять внимания разрешению этих дилемм, то Великобритания, даже будучи щедро одаренной ресурсами «мягкой силы», не сможет проецировать ее наиболее эффективным образом.

Первая дилемма — трудность разграничения «жесткой» и «мягкой силы». «Отсутствие четкого разграничения между силой (power) и влиянием (influence), с одной стороны, и между “жесткой” и “мягкой силой” — с другой означает, что, когда правительство активно вовлекается в продвижение и эксплуатацию своих активов “мягкой силы” с помощью финансовых средств, использование этих активов может стать весьма щекотливым (sticky) или непродуктивным <...>. Например, вовлеченность США в программы помощи при стихийных бедствиях — контроль за наводнениями в Пакистане, помощь при землетрясениях в Японии и на Гаити, при цунами в Индийском океане, облегчение голода в странах Африканского Рога — может рассматриваться как такая не совсем благонамеренная сила из-за присущей ей тесной связи со стратегическими интересами США. Так же могут рассматриваться и экстенсивные инвестиции Китая в страны Африки южнее Сахары» [Hill, Beadle, 2014: 36].

Вторая дилемма — субъективный характер «мягкой силы». «“Мягкая сила” может генерироваться и поддерживаться, только если ресурсы, из которых она проистекает, видятся другим привлекательными, желанными и легитимными. Однако разные акторы с большой вероятностью будут иметь различные мнения о культуре страны, ее политических ценностях и внешней политике» [Hill, Beadle, 2014: 37]. Авторы доклада указывают, что, например, во Франции с подозрением относятся к американской политике, но тепло воспринимают американскую культуру. Кроме того, отмечают они, «мягкая сила» может не только привлекать, но и отталкивать, если она исходит от государства, с которым у страны-реципиента уже был некий конфликт.

Третья дилемма — стоимость «мягкой силы». Авторы отмечают, что хотя считается, будто «мягкая сила» обходится дешевле, чем «жесткая», на деле это может оказаться не совсем так. Поддержание инструментария «мягкой силы» в надлежащем состоянии может

потребовать больших инвестиций и на очень долгий срок [Hill, Beadle, 2014: 40–41].

Четвертая дилемма — «искажение» социетальных источников «мягкой силы» в результате государственного вмешательства. Смысл дилеммы заключается в том, что при откровенном вмешательстве государства в генерирование «мягкой силы» обществом эффективность этих ресурсов может быть серьезно подорвана, поскольку их основная ценность заключается в их независимости, свободе, креативности и том факте, что они соединяют людей, а не правительства и политические позиции [Hill, Beadle, 2014: 41–42].

Наконец, пятая дилемма — дилемма самоуспокоенности — заключается в том, что источники «мягкой силы» требуют постоянного культивирования, их нельзя забрасывать, пренебрегать ими. Авторы отмечают, что в этом отношении есть большие проблемы, и приводят несколько примеров. В частности, они считают образованное гражданское общество, где практически все владеют иностранными языками, важным генератором «мягкой силы». В то же время в Великобритании, согласно данным опроса Еврокомиссии, 2/3 опрошенных не владеют никаким иностранным языком, и это самый высокий уровень незнания иностранных языков среди всех стран ЕС, ведь в среднем по Союзу более половины граждан владеют хотя бы одним иностранным языком [Hill, Beadle, 2014: 42–43].

По мнению экспертов Британской академии, несмотря на обилие ресурсов «мягкой силы», способность британского правительства привлекать их к выполнению каких-то задач весьма ограничена, более того, остро стоит вопрос о том, в каком объеме и каким образом уместно использовать эти ресурсы. «Мягкую силу» нелегко транслировать в политическое действие, ее использование зачастую может привести к непредвиденным результатам.

Все же, несмотря на эти ограничения, значимость «мягкой силы» в международных отношениях, по прогнозам авторов доклада, в грядущие годы будет лишь возрастать. Государству следует отказаться от прямого вмешательства в функционирование институтов, генерирующих «мягкую силу», и принять на себя роль некоего «садовника», заботливо культивирующего имеющиеся активы. Оно должно вкладывать достаточные ресурсы в поддержание и развитие таких долгосрочных активов, как языковое обучение и исследовательская база университетов. Эксперты академии полагают, что самые ценные и значимые аспекты «мягкой силы» — это, по сути, более глубокие и медленно развивающиеся качества общества, которое является основным источником «мягкой силы» [Hill, Beadle, 2014: 7]. Эти аспекты, по мнению ученых, не имеют отношения к успешным PR-кампаниям, таким как проведение Олимпийских игр или торжество королевской свадьбы: истинная «мяг-

кая сила» проистекает из внутренней жизни страны, так как ее репутация и доверие к ней напрямую связаны с ее собственными общественными, внутривластными достижениями.

Как отмечают авторы исследования, на данном этапе британская внешняя политика проводится пока еще таким образом, что возможные преимущества использования «мягкой силы» либо вытесняются из поля выбора соображениями безопасности, либо вообще не принимаются в расчет [Hill, Beadle, 2014: 7].

Эксперты Британской академии рекомендуют правительству принимать в расчет последствия официальной внешней политики для британских репутации, идентичности, общества. Они отмечают, что достижение геополитических и социально-экономических целей должно проводиться с учетом их взаимосвязи, и уподобляют использование «мягкой силы» силе демонстрируемого примера, а не проповеди.

Авторы доклада поднимают такую важную проблему, как развитие частных социокультурных инициатив, также генерирующих «мягкую силу». Лицам, осуществляющим такие проекты, следует осознавать, что они тоже в известной мере являются представителями интересов страны. Никто не говорит об ущемлении творческой свободы или свободы научного поиска, но, как указывают авторы, университеты, оркестры, писатели, спортсмены, археологи и т.п. являются источниками «проекции Великобритании вовне» [Hill, Beadle, 2014: 8]. Особенно эта ответственность должна ощущаться теми культурными акторами, которые получают поддержку из средств налогоплательщиков.

Знакомство с аналитическими публикациями ведущих британских «мозговых центров», политических и общественных структур Великобритании позволяет констатировать глубокий и устойчивый интерес к проблематике «мягкой силы». Важно то, что эксперты нацелены на выявление проблем, мешающих Великобритании более активно проецировать себя вовне, и поиск путей их устранения.

* * *

Концепция «мягкой силы» приобретает все большую важность для Великобритании. Ее политическая и интеллектуальная элита, осознавая, что в геополитическом плане Великобритания входит в группу держав среднего ранга, вместе с тем полагает, что в плане обладания инструментами и активами «мягкой силы» страна является «культурной сверхдержавой». Среди участников дискуссии о «мягкой силе» в Великобритании не всегда наблюдается единство в формулировках того, что относить к инструментам «мягкой силы» и как их воспринимать и использовать. Тем не менее большинство заинтересованных лиц (политики, ученые, обществен-

ные деятели) сходятся в том, что значимость «мягкой силы» в ближайшем будущем будет только возрастать. Важнейшим моментом осознания возможностей «мягкой силы» является признание того факта, что гражданское общество — один из фундаментальных ее источников. Чем образованнее граждане, чем больше они способны понимать другие культуры, творить, чем больше у них доступа к различным средствам коммуникации, тем больше потенциал «мягкой силы» той страны, в которой они проживают. Государство может со своей стороны способствовать развитию общества в этом направлении, признавая, что в современном мире взаимодействие граждан на уровне «корней травы» способно порождать мощные сдвиги, в том числе политические.

Вместе с тем, как отмечает российский исследователь А.В. Шелепов, проанализировавший британскую политику в десяти странах присутствия, расположенных в различных регионах мира, Великобритания во взаимодействии с ними все же отдает приоритет экономическим и деловым связям по сравнению с культурными, образовательными и гуманитарными, причем в существующем культурном сотрудничестве с другими странами она стремится активно проводить политику продвижения английского языка [Шелепов, 2014: 11].

Несмотря на определенное самоуспокоение Великобритании из-за того, насколько велики ее активы «мягкой силы», правительство стоит перед многими нерешенными вопросами. Арсенал «мягкой силы» во внешней политике используется недостаточно, что признают многие британские эксперты, не всегда присутствует четкое понимание, как использовать эти возможности наилучшим образом в повседневной политической деятельности правительственных ведомств Великобритании с учетом их взаимодействия друг с другом и с организациями гражданского общества, к тому же в условиях ограниченного бюджета. В этой связи важно, чтобы британское правительство прислушалось к рекомендациям временного Комитета по «мягкой силе» и влиянию Великобритании при Палате лордов о создании в правительстве специального ведомства, которое бы занималось вопросами того, как наилучшим образом внедрить методы «мягкой силы» в деятельность всех остальных министерств, способствовало бы повышению международной репутации страны и своевременно отражало возникающие угрозы на этом направлении.

В целом можно отметить в британских политических и экспертных кругах возраставшее с конца 1990-х годов внимание к проблематике «мягкой силы». Существует некий общий консенсус касательно того, что можно отнести к источникам «мягкой силы»

страны. Пожалуй, лучше всего классифицированы они в докладе специального Комитета, важные дополнения относительно «культурной дипломатии» были сформулированы в ряде докладов Британского Совета, свой вклад внесли Британская академия и Королевский институт международных отношений. Так, по мнению экспертов Британской академии, правительству следовало бы не сокращать финансирование культурных институтов в погоне за быстрым уменьшением бюджетного дефицита и не пытаться выжать из них максимум прямо сейчас, так как в перспективе эти активы могли бы принести долговременную пользу.

Несмотря на имеющиеся проблемы в сфере поддержания «мягкой силы» (например, финансовые ограничения), Великобритания стремится креативно подходить к их решению путем поощрения народной и «культурной дипломатии», расширения использования современных средств коммуникации и сетевых технологий. Правительство делает акцент на повышении эффективности работы каждого своего служащего как в стране, так и за рубежом (достаточно вспомнить обращенный Дж. Кэмероном к сотрудникам Форин-офис призыв «делать больше с меньшими средствами» — «do more with less»). Подчеркивается также необходимость достижения прозрачности использования бюджетных средств всеми правительственными агентствами, что достаточно успешно удается делать, например, Министерству международного развития (DFID).

Несмотря на призывы британских парламентариев начать осознавать себя по-новому — не только как западную страну, но и как государство, в котором смешались культурные традиции Запада, Востока и Юга, с обязательствами и привязанностями, уходящими корнями в прошлое, не так легко расстаться. Великобритания слишком долго мыслила себя как часть евроатлантического мира, англосаксонского единства, что делает даже некоторое дистанцирование от давних партнеров — США и ЕС — непростой задачей.

Вместе с тем власти Великобритании отдают себе отчет в том, как изменился баланс сил в современном мире. Произошло это за счет политико-экономического подъема незападных держав, а также некоторого ослабления Запада в силу пережитого глобального финансово-экономического кризиса, последствия которого до сих пор до конца не преодолены. Британский истеблишмент пристально следит за политическими шагами восходящих экономик, анализирует их стратегию использования собственных ресурсов «мягкой силы» и «культурной дипломатии». В этих международных акторах Лондон видит как потенциальных соперников, так и возможных союзников. Кем они станут для Великобритании в долгосрочной перспективе, в мире возрастающего взаимного недоверия

и неявных конфликтов? Многое может определяться верными решениями на пути использования Великобританией инструментария своей «мягкой силы» уже на настоящем этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // *Международные процессы*. 2004. Т. 2. № 1 (4). Доступ: <http://www.intertrends.ru/four/006.htm> (дата обращения: 14.05.2014).
2. Зевелев И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американско-российских отношениях. Семиотический анализ. Очерки текущей политики. Вып. 2. М., 2006.
3. Кулькова О.С. Африканская политика Великобритании (1997–2012 гг.). М.: Российский совет по международным делам, 2012.
4. Кулькова О.С. Политика Великобритании в сфере урегулирования конфликтов и миростроительства на Африканском континенте (1997–2013) // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2013. № 2. С. 49–81.
5. Леонова О. Мягкая сила — ресурс внешней политики государства // *Обсерватория — Observer*. 2013. № 4. С. 27–40.
6. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 4. С. 91–97. Доступ: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15220303&> (дата обращения: 18.06.2014).
7. Примаков Е.М. Образы России и мира вне идеологии. Как они определяют международные отношения // *Россия в глобальной политике*. 2013. Т. 11. № 1. С. 40–46.
8. Саворская Е.В. Политические сети как объект теоретического анализа проблем глобального управления // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2013. № 3. С. 27–48.
9. Тенцер Н. Влияние в мире глобализации. Что может сделать Франция // *Россия в глобальной политике*. 2013. Т. 11. Спецвыпуск. С. 220–228.
10. Торкунов А.В. Образование как «мягкая сила» во внешней политике России // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 4. С. 85–93.
11. Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: Российский университет дружбы народов, 2010.
12. Шелепов А.В. Факторы успеха политики «мягкой силы» Великобритании // *Вестник международных организаций*. 2014. Т. 9. № 2. С. 10–27.
13. Anholt S. *Competitive identity: The new brand management for nations, cities and regions*. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2007.
14. Anholt S. Nation ‘branding’: Propaganda or statecraft? // *Public Diplomacy Magazine*. Summer 2009. Available at: <http://publicdiplomacymagazine.com/nation-branding-propaganda-or-statecraft/> (accessed: 18.06.2014).
15. Anholt S. Place branding: Is it marketing or isn’t it? // *Place branding and public diplomacy*. 2008. Vol. 5. № 1. P. 1–6.
16. Anholt S. *Places: Identity, image and reputation*. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2010.

17. Bound K., Briggs R., Holden J., Jones S. Cultural diplomacy. London: Demos, 2007.
18. Davidson M. A UK perspective on public diplomacy and cultural relations in a time of conflict. Los Angeles: USC Center on Public Diplomacy, 2007.
19. Dolinskiy A. British and US public diplomacy in Russia. Washington, D.C.: Public Diplomacy Council, 2008. Available at: <http://www.publicdiplomacycouncil.org/tufts-papers> (accessed: 18.07.2014).
20. Dubow S. How British was the British world? The Case of South Africa // *Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2009. Vol. 37. № 1. P. 1–27.
21. Duval R. Power in global governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
22. Grant C. European choices for Gordon Brown. London: Centre for European Reform, 2007.
23. Harvey M. British Power beyond the military: Smart on soft power // *The World Today*. 2010. Vol. 66. № 11. P. 7–9.
24. Hill C., Beadle S. The art of attraction. Soft power and the UK's role in the world. British Academy Report. March 2014. 57 p. Available at: <http://www.britac.ac.uk/intl/softpower.cfm> (accessed: 15.06.2014).
25. Holden J., Tryhorn C. Influence and attraction: Culture and the race for soft power in the 21st century. British Council report. 2013. 39 p. Available at: <http://www.britishcouncil.org/organisation/publications/influence-and-attraction> (accessed: 15.06.2014).
26. Knorr K. Power and wealth: the political economy of international power. New York: Basic Books, 1973.
27. Lukes S. Power: a radical view. Second Edition. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2005.
28. Marshall P. Britain after the Jubilympics // *The Round Table: The Commonwealth Journal of International Affairs*. 2013. Vol. 102. № 5. P. 417–429.
29. Mattern J.B. Why soft power isn't so soft: Representational force and the sociolinguistic construction of attraction in World Politics // *Millennium: Journal of International Studies*. 2005. Vol. 33. № 3. P. 585.
30. Nye, Jr., J.S. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011.
31. Nye, Jr., J.S. Get Smart. Combining hard and soft power // *Foreign Affairs*. 2009. Vol. 88. № 4. P. 160–163.
32. Nye, Jr., J.S. Power in the global information age: From realism to globalization. New York: Routledge, 2004.
33. Nye, Jr., J.S. Public diplomacy and soft power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. № 1. P. 94–109.
34. Seib P. Media and conflict in the twenty-first century. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2005.
35. Spence J. The way we live (and die) now: Change in International Relations 1945–2010 // *FOCUS*. 2010. № 58. P. 3–13.
36. Taylor C., Waldman T. British defence policy since 1997. Research Paper. London: House of Commons Library, 2008. Available at: www.parliament.uk/briefing-papers/RP08-57.pdf (accessed: 15.01.2013).
37. Ying Fan. Soft power: power of attraction or confusion? // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2008. Vol. 4. № 2. P. 147–158.

O.S. Kulkova

**‘SOFT POWER’ AND CULTURAL DIPLOMACY ISSUES
IN THE CURRENT BRITISH POLITICAL DISCOURSE:
SEARCHING GUIDELINES IN TIME OF CHANGE**

*Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
30/1, Spiridonovka str., Moscow, 123001*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999*

This paper studies particularities of contemporary British political discourse on soft power and cultural diplomacy. It explains the reasons behind increased interest of the UK political establishment and expert community in these issues. On the basis of examination of the most meaningful statements of the Cabinet members, the reports of the ad hoc Committee on Soft Power and the UK’s Influence of the House of Lords and the publications of the leading British think tanks the paper demonstrates the unique features of the UK approaches to such issues, as blending of ‘soft’, ‘hard’, and ‘smart’ powers and increasing efficiency of using ‘soft power’ and cultural diplomacy for foreign policy purposes. The authors draws the conclusion that despite the fact that the Great Britain considers itself a ‘cultural superpower’ and aspires to expand its cultural presence regardless of the budgetary constraints, it will have to solve a complex task of promoting the image of a country which is not only a core of the Euro-Atlantic community, but a center of gravity and a melting pot for non-Western cultures.

Keywords: Great Britain, foreign policy, ‘soft power’, ‘smart power’, ‘hard power’, cultural diplomacy, emerging economies, British Council, Department for International Development.

About the author: *Olga S. Kulkova* — PhD (History), Senior Research Fellow at the Center for Russian-African Relations and Foreign Policy of African Countries, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kulkova-olga@yandex.ru).

REFERENCES

1. Davydov Yu.P. 2004. Ponyatie ‘zhestkoi’ i ‘myagkoi’ sily v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [The notion of ‘hard’ and ‘soft’ power in theory of International relations]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 2, no. 1 (4). Available at: <http://www.intertrends.ru/four/006.htm> (accessed: 14.05.2014). (In Russ.).

2. Zevelev I.A., Troitskii M.A. 2006. *Sila i vliyanie v amerikano-rossiiskikh otnosheniyakh. Semioticheskii analiz* [Power and influence in the US–Russian relations. A semiotic analysis]. Moscow. (In Russ.).

3. Kulkova O.S. 2012. *Afrikanskaya politika Velikobritanii (1997–2012 gg.)* [Great Britain's African policy (1997–2012)]. Moscow, Rossiiskii sovets po mezhdunarodnym delam Publ. (In Russ.).
4. Kulkova O.S. 2013. Politika Velikobritanii v sfere uregulirovaniya konfliktov i mirostroitel'stva na Afrikanskom kontinente [The British conflict resolution and peacebuilding policies in Africa (1997–2013)]. *Moscow State University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*, no. 2, pp. 49–81. (In Russ.).
5. Leonova O. 2013. Myagkaya sila — resurs vneshnei politiki gosudarstva [Soft power as a foreign policy resource]. *Obozrevatel' — Observer*, no. 4, pp. 27–40. (In Russ.).
6. Panova E.P. 2010. Sila privlekatel'nosti: Ispol'zovanie 'myagkoi vlasti' v mirivoi politike [The power of attraction: The use of 'soft power' in World Politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 4, pp. 91–97. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15220303&> (accessed: 18.06.2014). (In Russ.).
7. Primakov E.M. 2013. Obrazy Rossii i mira vne ideologii [De-ideologized images of Russia and the world]. *Rossiya v global'noi politike*, vol. 11, no. 1, pp. 40–46. (In Russ.).
8. Savorskaya E.V. 2013. Politicheskie seti kak ob'ekt teoreticheskogo analiza problem global'nogo upravleniya [Policy network concept and global governance theory]. *Moscow State University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*, no. 3, pp. 27–48. (In Russ.).
9. Tentser N. 2013. Vliyaniye v mire globalizatsii. Chto mozhet sdelat' Frantsiya [Influence in the globalized World. What France can do]. *Rossiya v global'noi politike*, vol. 11, special issue, pp. 220–228. (In Russ.).
10. Torkunov A.V. 2012. Obrazovanie kak 'myagkaya sila' vo vneshnei politike Rossii [Education as a 'soft power' in Russia's foreign policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 4, pp. 85–93. (In Russ.).
11. Filimonov G. 2010. 'Myagkaya sila' kul'turnoi diplomatii SShA ['Soft power' of the US cultural diplomacy]. Moscow, Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ. (In Russ.).
12. Shelepov A.V. 2014. Faktory uspekha politiki 'myagkoi sily' Velikobritanii [Soft power policy of the UK — factors of success]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, vol. 9, no.2, pp. 10–27. (In Russ.).
13. Anholt S. 2007. *Competitive identity: The new brand management for nations, cities and regions*. Basingstoke, New York, Palgrave Macmillan.
14. Anholt S. 2009. Nation 'branding': Propaganda or statecraft? *Public Diplomacy Magazine*. Available at: <http://publicdiplomacymagazine.com/nation-branding-propaganda-or-statecraft/> (accessed: 18.06.2014).
15. Anholt S. 2008. Place Branding: Is it marketing or isn't it? *Place branding and public diplomacy*, vol. 5, no. 1, pp. 1–6.
16. Anholt S. 2010. *Places: Identity, image and reputation*. Basingstoke, New York, Palgrave Macmillan.
17. Bound K., Briggs R., Holden J., Jones S. 2007. *Cultural diplomacy*. London, Demos.
18. Davidson M. 2007. *A UK perspective on public diplomacy and cultural relations in a time of conflict*. Los Angeles, USC Center on Public Diplomacy.

19. Dolinskiy A. 2008. *British and US public diplomacy in Russia*. Washington, D.C., Public Diplomacy Council. Available at: <http://www.publicdiplomacy-council.org/tufts-papers> (accessed: 18.07.2014).
20. Dubow S. 2009. How British was the British world? The Case of South Africa. *Journal of Imperial and Commonwealth History*, vol. 37, no. 1, pp. 1–27.
21. Duval R. 2005. *Power in global governance*. Cambridge, Cambridge University Press.
22. Grant C. 2007. *European choices for Gordon Brown*. London, Centre for European, Reform,
23. Harvey M. 2010. British Power beyond the military: Smart on soft power. *The World Today*, vol. 66, no. 11, pp. 7–9.
24. Hill C., Beadle S. 2014. The Art of attraction. Soft power and the UK's role in the world. British Academy Report. March. 57 p. *British Academy official website*. Available at: <http://www.britac.ac.uk/intl/softpower.cfm> (accessed: 15.06.2014).
25. Holden J., Tryhorn C. 2013. Influence and attraction: Culture and the race for soft power in the 21st century. British Council report. 39 p. *British Council official website*. Available at: <http://www.britishcouncil.org/organisation/publications/influence-and-attraction> (accessed: 15.06.2014).
26. Knorr K. 1973. *Power and wealth: the political economy of international power*. New York, Basic Books.
27. Lukes S. 2005. *Power: a radical view. Second Edition*. Basingstoke, New York, Palgrave Macmillan.
28. Marshall P. 2013. Britain after the Jubilympics. *The Round Table: The Commonwealth Journal of International Affairs*, vol. 102, no. 5, pp. 417–429.
29. Mattern J.B. 2005. Why soft power isn't so soft: Representational force and the sociolinguistic construction of attraction in World Politics. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 33, no. 3, pp. 585.
30. Nye, Jr., J.S. 2011. *The Future of Power*. New York, Public Affairs.
31. Nye, Jr., J.S. 2009. Get Smart. Combining hard and soft power. *Foreign Affairs*, vol. 88, no 4, pp. 160–163.
32. Nye, Jr., J.S. 2004. *Power in the global information age: From realism to globalization*. New York: Routledge.
33. Nye, Jr., J.S. 2008. Public diplomacy and soft power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 616, no 1, pp. 94–109.
34. Seib P. 2005. *Media and conflict in the twenty-first century*. Basingstoke, New York, Palgrave Macmillan.
35. Spence J. 2010. The way we live (and die) now: Change in International Relations 1945–2010. *FOCUS*, no. 58, pp. 3–13.
36. Taylor C., Waldman T. 2008. *British defence policy since 1997. Research Paper*. London, House of Commons Library. Available at: www.parliament.uk/briefing-papers/RP08-57.pdf (accessed: 15.01.2013).
37. Ying Fan. 2008. Soft power: power of attraction or confusion? *Place Branding and Public Diplomacy*, vol. 4, no. 2, pp. 147–158.